

**ПОЭТИКА «ЗАМКНУТОГО ПРОСТРАНСТВА» В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО («ВНЕШНЕЕ» И «ВНУТРЕННЕЕ»)**

В статье рассматриваются формы репрезентации в сознании героев такого элемента художественного пространства, как предметный мир на материале романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди». Он характеризуется исчезновением границ между эмпирическим миром и душевным состоянием отдельных персонажей. Предметы обретают дополнительное значение, становятся частью ценностной системы героев и превращаются в образы-символы.

Ключевые слова: внешнее, внутреннее, воображение, воспоминание, вещи, предметы, образы, символы.

Топологическая доминанта является основополагающей для художественной системы Достоевского 1840-х годов. Развитие сюжета, характеров главных героев и совершающиеся ими поступки осмысливаются писателем через координаты Санкт-Петербурга, в частности через его предметный мир, который отражается в сознании героев. Думается, что рассмотренный А.П. Чудаковым предметный мир Достоевского [6, с. 96] уместно оценивать по его роли в сознании персонажей, выделив оппозицию «внешнее» / «внутреннее». Вещей в мире писателя либо нет, «или если уж он уцепится за какую-нибудь вещь, то вырастает она в символ человеческой жизни», как писал В.К. Кантор [2]. Предметное, вещное у Достоевского обретает вертикальное измерение и связывается с вечным либо привязывается к материальному и остается в горизонтальной системе.

В «Бедных людях» в письмах героев существует особая оптика видения окружающего мира. Она задана спецификой существования героев в ограниченном пространстве Петербурга. В возможности визуального, вербального, аудиального, тактильного контакта с миром Девушкин и Доброселова ограничены. С одной стороны, эта замкнутость обоих героев в ограниченном пространстве рождает агорафобию (страх Девушкина перед «наветами» и «наговорами», тревога Доброселовой перед окружающим миром и определение ею самой себя как «нелюдимки» и «дикарки»). С другой стороны, такая замкнутость предполагает более пристальное вглядывание в ближайшее окружение, предметы быта, детали интерьера, соседей и т. д. Здесь можно выделить ряд особенностей.

1. Особое видение действительности подразумевает стирание границ эмпирического и душевного мира героев. Конкретным предметам атрибутируются не непременно присущие им свойства. Явления одной области приобретают свойства другой, например, интеллектуальная деятельность наделяется чертами физиологии или на неодушевленный предмет проецируются физиологические свойства.

2. Предметы наделяются дополнительным, по сравнению с повседневным бытовым смыслом, значением. Например, занавеска в комнате Варвары Доброселовой

---

* © Портнов Г.О., 2010

Портнов Георгий Олегович (georgii_portnov@mail.ru), кафедра русской и зарубежной литературы Самарского государственного университета, 443011, Россия, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

утрачивает свое прямое назначение визуальной изоляции и становится важной составляющей коммуникации между героями. Герань, бальзамин и прочие цветы, которые дарит Девушкин Доброселовой, кроме своего прямого назначения украсить интерьер комнаты, в понимании Макара Алексеевича являются еще и знаком «отеческой приязни», а для Вареньки – самоотверженной любви ее корреспондента.

3. В сознании героев выстраивается ценностная иерархия окружающих их вещей. В данном случае предметы превращаются в единые образы-символы. Как писал В.Н. Топоров: «Когда вещь приобретает и символическое значение (плат, гребень, лента, пояс, кольцо и т.п.) или употребляется прежде всего как символ (крест, венки, знамя, другие материализованные и включенные в парадигму знаки и т. п.), мир вещей подключается к сфере духовного и человеческого как особый язык и симболярный» [5, с. 29]. Так, у Девушкина все вещи, имеющие отношение к Доброселовой, сакрализуются. В первую очередь сюда относятся предметы, участвующие в творческом акте создания писем к ней: «свеча», «бумаги», «перо». Девушкин перечисляет их в первом письме как атрибуты сакраментального для него ритуала. Для героя, испытывающего к Вареньке не физическую, а духовную любовь, эти предметы одновременно становятся и главным средством выражения его богатого душевного мира, и «свидетелями» творческого таинства.

Но есть и образы-символы, которые становятся знаками одиночества, обреченности и отчуждения героев друг от друга и мира. Одни из них («Ноев ковчег», «содом», «рай», «херувим») уходят корнями в библейский фольклор, другие («яичная скорлупа», «чай», «сапоги», «ветошка» и пр.) – в мифопоэтическую традицию. Образы первой группы обнажают онтологическое значение происходящих событий. Но они же оказываются и семантически амбивалентными. Например, упомянутый в описании квартиры, в которой живет Девушкин, образ «Ноева ковчега» в христианской культуре традиционно ассоциируется с идеей спасения от конца света и началом новой жизни. У Достоевского же от общепринятого значения этого образа сохраняется лишь семантика наполненности, скученности, сама же квартира как «Ноев ковчег» становится эквивалентом хаоса. Эта семантика усиливается упоминанием образа «содома» и, таким образом, обретает смысловой оттенок «сборища грешников». И завершается это описание неожиданным в данном контексте, но упомянутым с горькой иронией образом «рая», который с учетом остальных данных жилищу героя характеристик («шум», «крик», «гвалт», «чад», «духота») становится словом-перевертышем, обозначающим свой антоним, «ад». Но Девушкин не только свое жилище, но и мир Петербурга, и все происходящие с ним и Варенькой трагические события (собственное пьянство, «пасквиль» Ратазьева, сплетни хозяйки, преследования Анны Федоровны и господина Быкова) оценивает в аспекте организованной богом эсхатологии: «Нечего греха таить, прогневили мы господу бога, ангельчик мой!» [1, с. 155].

В обреченном на гибель мире любовь к Вареньке становится для Макара Алексеевича единственным спасением. Существенной в этом аспекте представляется номинация, которую использует по отношению к Доброселовой Девушкин – «жизнечек», «херувимчик»: в Библии это ангелоподобное существо, охраняющее дорогу к древу жизни [4, с. 589].

Образы второй группы, коренящиеся в архетипической традиции, касаются вещей, исключенных из онтологической системы героев и являющихся индикаторами близкой гибели героев. Среди них – «яичная скорлупа», «чай», «сапоги», «ветошка» и пр. В описании черной лестницы, которой ему приходится пользоваться чаще парадной, чтобы укрыться от требующей с него платы хозяйки квартиры, сплетен жильцов, знающих о его встречах с Варварой, Девушкин подчеркивает две существенные детали: «На каждой площадке стоят сундуки, стулья и шкафы поломанные, ветошки

развешаны, окна повыбиты; лоханки стоят со всякою нечистью, с грязью, с сором, с *яичною скорлупою* да с рыбьими пузырями...» (подчеркнуто мной. — *Г.П.*) [1, с. 14]. «Яйцо — древний символ воскресения и новой жизни... Яйцо — забота, но яйцо — это и самая большая надежда. И нет символа смерти чудовищнее, чем расколотое, разбитое яйцо, пустая скорлупа, сохраняющая видимость жизни, но утратившая все свое солнечное содержание» [3, с. 327]. Эта семантика подтверждается тем, что в доме, засоренном яичной скорлупой, умирает семья отставного чиновника Горшкова, в подобной же квартире на глазах у Доброселовой гибнет от чахотки студент Покровский. Здесь же поджидает смерть и Девушкина.

«Украшающая» черную лестницу ветошка является деталью изнанки и неприглядности жизни героев. Но она же сопоставляется с человеком. «Затирает ее в работу, словно *ветошку* какую-нибудь», — пишет Девушкин о жестокостях домохозяйки в адрес служанки Терезы (подчеркнуто мной. — *Г.П.*) [1, с. 81]. «Вот они как теперь, маточка, так что я и у этих господ чуть ли не хуже *ветошки*, об которую ноги обтирают», — сообщает герой о презрительном отношении к нему окружающих в финале романа (подчеркнуто мной. — *Г.П.*) [1, с. 168]. «Ветошка» в широком смысле у Достоевского — это «близкий к ничтожеству человек». Человек социально несостоятельный, и сам по себе в Петербурге не имеет значения как онтологическая единица и легко превращается в предмет. Употребляемый же рядом с образом *ветошки* глагол «затирать» и «обтирать» предполагает безличное (в данном контексте — еще и безразличное) разрушительное воздействие извне. «Затирание *ветошки*» у Достоевского — осознанное превращение окружающими человека в ничто, безнаказанное нанесение унижений и оскорблений. Важно то, что образ «*ветошки*», воспринимаемый героем как нравственно низкий, и пространственно занимает низкое положение — под сапогами у людей. По сути, Девушкин, бывший ранее *ветошкой* для окружающих, превращается в *ветошку* в глазах себя же, как только расстается с Варенькой, поскольку собственная жизнь теряет для него смысл. Образ «затирания человека, словно *ветошки*», повторяется и в «Двойнике», и в «Господине Прохарчине» и поставленный в один ряд с героями указывает на существенный для художественного мира Достоевского 40-х годов процесс — одушевление вещей и омертвление человека.

Таким образом, в определении вещи в художественном мире Достоевского важна не столько роль ее самой по себе, в данной сцене, а ее функциональность в выстраивании диалога с героем и читателем. Вещь у писателя — часть универсума, и через контакт с ней, со-бытие с отдельным предметом герой достигает со-бытия с Другим. При этом точка соприкосновения человека с предметом полагается писателем не вовне, а во внутренний мир персонажа.

Библиографический список

1. Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 10 т. М.: Госиздат, 1956. Т. 1.
2. Кантор В. К. Платки, интерьеры, шляпы. «Вещный мир» в поэтике Достоевского. URL: http://exlibris.ng.ru/kafedra/2008-11-20/4_dostoevsky.html.
3. Касаткина Т.А. О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа реализма в высшем смысле. М.: ИМЛИ РАН, 2004.
4. Мифологический словарь. М.: Большая Рос. энциклопедия, 1992.
5. Топоров В.Н. Вещь в антропоцентрической перспективе (апология Плюшкина) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс: Культура, 1995. С. 7–111.
6. Чудаков А. П. Предметный мир Достоевского // Достоевский: материалы и исследования. Л.: Наука, 1980. Т. 4. С. 96–105.

**POETICS OF «CLOSED SPACE» IN EARLY DOSTOEVSKY'S CREATIVE WORK
(«EXTERNAL» AND «INTERNAL»)**

The article concerns with the forms of representation in character's consciousness an important part of an artistic space, such as object world in Dostoevsky's novel «Poor people». It is defined by dissolution of the border between the empirical world and character's internal posture. Objects get additional significance. They become important part of character's axiological system and become image-symbols.

Key words: external, internal, imagination, remembrance, things, objects, images, symbols.

---

* *Portnov Georgiy Olegovich* (georgii_portnov@mail.ru), the Dept. of Russian and Foreign Literature, Samara State University, Samara, 443011, Russia.